

мира идей, то всё становится необъяснимым. Возникновение нового образа или формы не может быть объяснено из отсылки к “опыту” или “креативному воображению”, на что опирался Г. Рополь и его единомышленники.

Другой немаловажный вывод заключается в том, что мир, природа, согласно Дессауэру, не были сотворены один раз и навсегда. Миссия технического человека – досотворять мир! Отсюда онтологический статус техники: она – естественное условие и естественный этап этого досотворения. Следовательно, современная техника есть не демоническое начало, опустошающее человека, но прямое осуществление Завета, изложенного в первых главах Библии.

Мы видим, что Дессауэр оказывается в положении александрийского учёного, для которого ответ на вопрос “что делать?” дается в древнеиудейском мифе о творении, а ответ на вопрос “как делать?” – в древнегреческих текстах Платона. Это значит, что Дессауэр допускал возможность союза Афин и Иерусалима. Так и есть: новоевропейская наука и техника стали возможны только тогда, когда нашлись те, кто догадался направить острие греческой теории на покорение природы и её “досотворение”.

* * *

В заключение хочу выразить глубокую признательность профессору Алексею Нестеруку (Университет в Портсмуте, Великобритания) за предоставленную мне возможность ознакомиться с сочинениями Фридриха Дессауэра и других философов техники.

МАЙКЛ ДАММИТ О РЕАЛИЗМЕ¹

Л.Б. Макеева

Если попытаться составить список наиболее обсуждаемых современными аналитическими философами тем, то реализм бесспорно займет в этом списке одно из первых мест. Дискуссии между сторонниками и противниками реализма не утихают уже несколько десятилетий, постоянно возобновляясь то в философии

¹ Работа выполнена при поддержке индивидуального исследовательского гранта 2006 г. Научного Фонда ГУ-ВШЭ (номер гранта 06-01-0076).

науки, то в этике, то в философии сознания, то в философии языка. Страницы философских журналов и монографий пестрят названиями разнообразных концепций реализма (“научный реализм”, “нормативный реализм”, “этический реализм”, “структурный реализм”, “внутренний реализм” и т.п.). Немало усилий затрачивается и на критику реализма.

“Многоликость” современного реализма впечатляет и одновременно настораживает. И хотя, взятый в исторической перспективе, реализм никогда не отличался доктринальным единством, всё же неоднородность современного реализма не может не поражать. Среди его приверженцев можно обнаружить и натуралистов, и физикалистов, и материалистов, и идеалистов, и эмпиристов. Вместе с тем нельзя не отметить одну важную особенность современного реализма. Если раньше в реализме видели определенную метафизическую позицию, то большинство современных аналитических философов, квалифицирующих свою позицию как “реалистическую”, заявляют о своем неприятии “метафизического” реализма и обрушивают на него беспощадную критику. Что же означает эта “неметафизичность” современного реализма? И вообще, что же такое современный реализм? Совокупность разрозненных позиций, объединенных общим названием? Модный термин, частое и некритичное употребление которого совершенно выхолостило его значение? Или нечто большее, нечто такое, что имеет некоторое внутреннее единство, оправдывающее общее название? Именно на этот вопрос – о природе реализма – попытался ответить известный оксфордский философ Майкл Даммит. Он первым привлек внимание философской аудитории к этой проблеме в серии статей, опубликованных в конце 1960-х – начале 1970-х годов, а его последующие исследования в этой области оказывали большое влияние на обсуждение темы реализма аналитическими философами. В 1991 г. вышла книга Даммита “Логическая основа метафизики”, в которой он представил в развернутом и завершенном виде свои размышления о реализме.

В отечественной философской литературе мы имеем очень мало работ о М. Даммите. Перевод его важной статьи “Что такое теория значения”, опубликованный в сборнике “Философия, логика, язык” (М.: Прогресс, 1987), остался почти незамеченным. И хотя в разнообразных справочных изданиях идеи Даммита так или иначе нашли отражение, серьезных работ, посвященных его творчеству, у нас нет, а между тем это крупный и оригинальный философ, пользующийся значительным влиянием среди аналитических философов. Его концепция о природе реализма, получив-

шая в литературе название “семантический реализм”, представляет интерес в нескольких отношениях – и как попытка истолковать современный реализм, и как определенная критика реализма, и, что особенно важно, как размышление о характере философского, прежде всего метафизического, исследования. С учетом этих трех аспектов я и хотела бы рассмотреть здесь идеи Даммита о реализме.

Даммит поднимает глубокие и важные вопросы о природе и задачах философии, о характере и перспективах современной метафизики, о судьбах философского реализма. Предлагаемые им ответы на эти вопросы отражают определенные тенденции в современном осмыслении места и роли философии в человеческом познании. Эти тенденции берут свое начало в философии Канта, который, по сути, показал, что философия не может претендовать на описание глубинной структуры реальности, как она есть сама по себе. Философия может выявить лишь априорные формы чувственного восприятия и мышления о реальности. Решение, предлагаемое Даммитом, лежит в русле этого подхода, отражая характерные особенности осмысления этой проблемы в рамках аналитической философии. И хотя это решение вызвало множество возражений, среди которых, как мы увидим, есть и довольно серьезные, это никоим образом не умаляет его значения, и оно заслуживает самого пристального изучения.

В исследованиях Даммита по природе реализма прослеживается определенная эволюция. Вначале он ставил перед собой задачу дать беспристрастную характеристику действительных споров между реалистами и их противниками. Но даже на этом этапе его изыскания носили не столько историко-философский, сколько концептуальный характер. В дальнейшем же они почти полностью утратили связь с историческими реалиями, и, как иронично заметил М. Лаукс, “реалист и антиреалист стали чем-то вроде философских архетипов, чьи взгляды Даммит волен постулировать”². Более того, от нейтрального описания он переходит к критике реализма и разработке теории значения, которая могла бы стать основой антиреалистической позиции.

Свое исследование реализма Даммит начал с вопроса, есть ли что-либо общее в том, как употребляют термин “реализм” участники разнообразных философских споров, одна из сторон в которых называет свою позицию “реализмом”, а для обозначения второй стороны Даммит вводит термин “антиреализм”, охватываю-

² Loux M.J. Realism and Anti-Realism: Dummett's Challenge // The Oxford Handbook of Metaphysics / Ed. M.J. Loux, D.W. Zimmerman. Oxford, 2005. P. 637.

щий все многообразие противостоящих реализму концепций. Даммит перечисляет и кратко характеризует, какие собственно споры он имеет в виду. Этот перечень далеко не полный; как мы увидим, он не содержит, к примеру, классического спора по поводу универсалий и по поводу таких абстрактных сущностей, как значения и суждения; не упоминает Даммит и дискуссию об онтологическом статусе возможных миров и многие другие дискуссии. Не думаю, что на этом основании можно было бы усомниться в адекватности проведенного Даммитом анализа, поскольку при всей краткости перечень споров довольно “репрезентативен”.

Перечень этот открывается спором о макрообъектах физического мира. В этом споре реализму, признающему объективное и независимое существование такого рода объектов, противостоят разнообразные формы идеализма, среди которых наиболее выделяются эмпиристские варианты в виде феноменалистических концепций. Главный пункт разногласий здесь Даммит описывает следующим образом: “Наше знание о физическом мире поступает через чувства, но служат ли они каналами информации о реальности, существующей независимо от нас, как предполагает реалист, или же наши чувственные впечатления участвуют в создании этой реальности, как считает феноменалист?”³ Сходный спор, по мнению Даммита, ведется в философии математики, где реализм называют “платонизмом” и он сводится к тезису о том, что математические суждения дают описание существующей независимо от нас реальности. Сторонникам математического платонизма противостоят формалисты и интуиционисты (или конструктивисты). Формализм отрицает возможность подлинных математических суждений, признавая лишь существование математических предложений, имеющих чисто формальное сходство с суждениями. Математики манипулируют с этими предложениями в соответствии с правилами, которые только внешне напоминают дедуктивные операции, совершаемые нами над обычными суждениями (или высказываниями). Конструктивисты же, не отрицая существования математических суждений, напрямую связывают их истинностное значение с нашей способностью доказывать или опровергать их. Обращаясь затем к спору в философии сознания, Даммит отмечает, что разногласие между реалистами и антиреалистами в этой области обусловлено в конечном счете их трактовкой наблюдаемого поведения человека. Для реалистов это поведение служит свидетельством существования в человеке внутренних психических состояний – желаний, чувств, мыслей и т.п., а

³ Dummett M. The Logical Basis of Metaphysics. Camb. (Mass.), 1991. P. 4–5.

для их оппонентов, бихевиористов, приписывание человеку определенного психического состояния представляет собой лишь своеобразную фигуру речи, с помощью которой мы высказываемся о его поведении. В перечень Даммита включен и спор о теоретических объектах, постулируемых наукой, который разделяет философов на сторонников научного реализма и инструментализма. Научные реалисты полагают, что наука постепенно открывает, каков мир сам по себе в его глубинах, и вместе с тем объясняет, почему он представляется нам таким, каким мы его представляем. Инструменталисты же видят в теоретических объектах лишь полезные фикции, позволяющие нам предсказывать наблюдаемые явления. Даммит упоминает и о споре в философии морали между этическими реалистами и субъективистами (эмотивистами и экспрессивистами). Реалистам этическое оценочное суждение представляется таким же объективно истинным, как любое суждение о факте. Для субъективиста этическое суждение выражает лишь чувство одобрения или неодобрения, которое человек испытывает в отношении каких-либо поступков, событий и т.п. Мы считаем, что поступок является жестоким или нечестным, по той причине, что он вызывает в нас определенное чувство или реакцию. Свой перечень Даммит завершает рассмотрением, и довольно подробным, спора о реальности времени или, точнее, споров о реальности прошлого и будущего⁴. Особенность этих споров состоит в том, считает Даммит, что реальность, скажем, прошлого связывается не с признанием существования определенного рода сущностей, а с признанием любого утверждения о прошлом объективно истинным или ложным, хотя для нас может оказаться в принципе невозможным установить, каково оно на самом деле. Противники реализма, не желая включать в свои построения допущения о подобной принципиальной непознаваемости некоторых аспектов прошлого, предпочитают рассматривать прошлое как нечто такое, что конструируется нами из сохранившихся свидетельств и воспоминаний.

Даммит, рассмотрев перечисленные споры, делает вывод о том, что все они, различаясь по своему предмету, демонстрируют некоторое "структурное" сходство. На первый взгляд сходство между этими спорами можно усмотреть в том, что каждый из них касается существования определенной категории или класса сущностей (макрообъектов, чисел, теоретических сущностей вроде

⁴ Даммит посвящает анализу спора о реальности прошлого отдельную статью. См.: *Dummett M. The reality of the Past // Proceedings of the Aristotelian Society. 1969. Vol. 69. P. 239–258.*

электронов и кварков и т.п.). Даммита такое решение не устраивает. Во-первых, такая характеристика, по его мнению, не охватывает определенные виды реализма (например реализм в отношении прошлого и будущего), а некоторые другие виды реализма (например этический и математический) получают неверное истолкование, так как для них важен не столько онтологический статус некоторого класса абстрактных объектов или сущностей, сколько признание объективной истинности определенного класса предложений. Во-вторых, указанная характеристика, считает Даммит, не учитывает того обстоятельства, что аргументы, выдвигаемые противоборствующими сторонами в пользу своих позиций, совпадают по форме, а это совпадение чрезвычайно важно, поскольку реализм и антиреализм невозможно обосновывать так же, как обосновываются, скажем, конкретные утверждения о физических объектах, математические утверждения и т.п. Для обоснования последних ученые используют методы наблюдения, эксперимента, математического доказательства и т.п. Метафизик же может воспользоваться только своей рефлексией, однако с ее помощью он не может постичь строение и “содержимое” реальности, как это делают ученые с помощью научных методов. Поэтому объектом метафизического исследования, считает Даммит, является не сама реальность, а наше мышление о реальности. Применительно к реализму и антиреализму это означает, что они говорят нам, как нужно интерпретировать конкретные утверждения о физических объектах, теоретических сущностях, ценностях и т.п., т.е. они являются учениями, описывающими статус этих утверждений. Таким образом, Даммит предлагает рассматривать споры между реалистами и их противниками как касающиеся не существования определенного класса объектов или сущностей, а статуса класса утверждений об этих сущностях. При таком подходе реализм оказывается связанным с принятием двух положений: во-первых, утверждения рассматриваемого класса говорят о каком-то независимом от сознания фрагменте реальности, и, во-вторых, истинность или ложность этих утверждений определяется этим фрагментом реальности. Для Даммита принятие этих двух положений равносильно признанию того, что истинность или ложность утверждений рассматриваемого класса никоим образом не зависит от наших познавательных способностей и возможностей.

Чтобы понять, как Даммит пришел к этому выводу, нужно принять во внимание следующее. С понятием истины Даммит связывает действие важного принципа, который он называет “принципом С” и формулирует так: если высказывание истинно,

то должно существовать нечто такое, благодаря чему оно является истинным. Поэтому спор между реалистами и их противниками истолковывается Даммитом как спор о том, что в общем и целом делает истинное утверждение о сущностях и объектах определенного класса истинным. Для реалиста, указывает Даммит, истинностное значение высказывания обуславливается независимой от наших знаний и познавательных способностей реальностью. Это означает, что истинностное значение является таким свойством, которым высказывание обладает даже в том случае, если мы в принципе не можем установить его. Возьмем, например, предложение “В день, когда родился Гераклит, в Эфесе шел дождь”. С точки зрения реалиста, это предложение обладает значением истинности в абсолютном смысле, т.е. независимо от того, сможем ли мы когда-нибудь установить, шел ли в тот день в Эфесе дождь или нет. Реализм, таким образом, опирается на эпистемически неограниченное или, как предпочитает говорить Даммит, “трансцендентное” понятие истины. Напротив, антиреалисты отвергают такое понятие истины. Они объясняют истинность утверждений некоторого класса иначе – тем, что эти утверждения могут быть верифицированы. Верифицируемость предложения в понимании Даммита состоит в том, что у нас есть возможность за конечное время оказаться в ситуации, когда утверждение этого предложения станет для нас оправданным. Иными словами, для антиреалистов истина представляет собой “оправданную утверждаемость”: лишь те предложения, для утверждения или отрицания которых у нас есть основания, являются, соответственно, истинными или ложными. Так, истинное утверждение о физическом мире является истинным благодаря действительному или возможному чувственному опыту, математическое утверждение – благодаря существованию его доказательства, теоретическое утверждение – благодаря имеющимся данным наблюдения, утверждения о психических состояниях – благодаря наблюдаемому поведению человека. Таким образом, противник реализма в каждом случае выделяет некоторый другой класс утверждений, который Даммит называет “редукционным классом”. Соответственно, для антиреалиста истинное утверждение обсуждаемого класса является истинным благодаря истинности одного или нескольких утверждений редукционного класса. Стало быть, оппозиция реализму всегда предполагает некоторую форму редукционизма.

Из всего сказанного Даммит делает вывод: “решающим критерием” для различения реалистов и антиреалистов служит принцип двузначности – семантический принцип, согласно которому

каждое высказывание является или истинным, или ложным. Реалисты принимают этот принцип, а антиреалисты отвергают на том основании, что имеется много предложений, для утверждения или отрицания которых у нас в принципе не может быть никаких оснований, а потому эти предложения не обладают значением истинности. Подобные предложения Даммит называет “неразрешимыми” и указывает три различных способа их порождения в языке – благодаря использованию сослагательного наклонения, благодаря обращению к удаленным пространственным и временным областям и благодаря квантификации по бесконечным совокупностям. Например, предположение Гольдбаха о том, что любое четное число, большее 4, представимо в виде суммы двух нечетных простых чисел, неразрешимо, поскольку у нас нет доказательства этого положения, нет доказательства того, что существует противоречащий ему пример, и мы не знаем эффективной процедуры, правильное применение которой дало бы нам доказательство этого положения или противоречащий ему пример. Это, конечно, не означает, что мы знаем о невозможности доказательства или опровержения предположения Гольдбаха. Не исключено, что когда-нибудь математикам удастся его доказать или опровергнуть. А вот предложение “Юлий Цезарь был убит в 55 г. до н.э.” является разрешимым, так как мы располагаем большим количеством свидетельств в пользу его истинности.

Следующий важный шаг в рассуждениях Даммита состоит в том, что он напрямую связывает принцип двузначности с трактовкой значения предложений, и поэтому его окончательный вывод звучит так: истинная природа споров о реализме состоит в ответе на вопрос, какой вид значения следует приписать предложениям рассматриваемого класса. Согласно реалистам предложения получают значение благодаря своей соотнесенности с некоторым положением дел, причем мы можем не обладать способностью или возможностью удостовериться в наличии этого положения дел, но оно выступает необходимым и достаточным условием для того, чтобы предложение имело истинностное значение. Антиреалист отвергает эти “трансцендентные” положения дел и настаивает на том, что мы понимаем рассматриваемые предложения благодаря распознаваемым аспектам нашего опыта, которые служат свидетельством в пользу истинности или ложности этих предложений.

С точки зрения Даммита, теория значения имеет фундаментальное значение для философии, так как она не только проясняет значение истины, но и определяет логику нашего языка. Логические законы, регулирующие функционирование любого от-

дельного фрагмента языка, зависят от значений предложений, составляющих этот фрагмент, и прежде всего, от значений входящих в эти предложения логических констант⁵. Значения же самих логических констант определяются тем общим вкладом, который вносит каждое предложение в содержание образованных с его помощью и с помощью этих констант сложных предложений. Поскольку разногласия между реалистами и антиреалистами в той или иной области касаются, как заключает Даммит, вида значения, приписываемого предложениям определенного класса, а принимаемая трактовка значения определяет логику, то, стало быть, в основе указанных разногласий лежит выбор той или иной системы логики. Первыми, кто, по мнению Даммита, осознал, что отрицание реализма влечет за собой отказ от классической логики, были интуиционисты из школы Л. Брауэра (отвергнувшие, например, закон исключенного третьего). Если бы участники других дебатов вокруг реализма смогли уяснить для себя это важное обстоятельство, их разногласиям удалось бы придать более точный смысл и в результате появилась бы перспектива их разрешения.

Согласно Даммиту, при оценке реализма и антиреализма самая большая трудность как раз и состоит в том, чтобы “понять содержание метафизического учения. Что означает утверждение о том, что натуральные числа являются ментальными конструкциями или что они суть независимо существующие неизменные и нематериальные объекты? Что означает вопрос: существуют или нет прошлые и будущие события? Что означает утверждение или отрицание того, что материальные объекты являются логическими конструкциями из чувственных данных? В каждом случае нам предлагают альтернативные картины. Необходимость выбора какой-то одной из этих картин кажется настоящей, но неизобразительное содержание этих картин неясно”⁶. Таким образом, любая попытка сформулировать реализм в строго метафизических терминах в лучшем случае дает в результате картину или метафору с неясным неизобразительным или неметафорическим содержанием. Даммит подробно разъясняет это на примере спора между платонистами и интуиционистами в философии математики. “Мы имеем здесь две метафоры: платонист сравнивает математика с астрономом, географом или исследователем; интуиционист же сравнивает его со скульптором или авто-

⁵ Под логическими константами Даммит имеет в виду логические связки (конъюнкцию, дизъюнкцию и т.п.) и кванторы.

⁶ Dummett M. The Logical Basis of Metaphysics. P. 10.

ром художественных произведений, и ни одно из этих сравнений не кажется слишком удачным. Разногласие, очевидно, связано с тем, какую степень свободы имеет математик. При таком подходе, однако, каждое сравнение кажется отчасти правильным и отчасти неправильным: математик имеет значительную свободу в разработке понятий, которые он вводит, и в описании структур, выбираемых им для изучения, но он не может доказать всё то, что он счел бы привлекательным доказать⁷. Конечно, в самом по себе использовании метафор или картин нет ничего предосудительного, но когда метафоры используются в споре, нужно очень точно понимать их содержание, поэтому из поэтических образов они должны быть преобразованы в точные утверждения, в отношении которых можно выдвигать аргументы за и против. Какое бы сильное воздействие они на нас ни оказывали, напоминает Даммит, не следует забывать, что они не более чем метафоры и картины. Если же мы попытаемся выразить рассматриваемые метафизические учения точным образом, мы обнаружим, считает Даммит, что их неметафорическое содержание полностью исчерпывается той "моделью значения", на которую они опираются. Некоторые критики усмотрели в подобной трактовке метафизических предложений еще одно свидетельство близости Даммита к логическому позитивизму⁸. Я не буду здесь касаться вопроса об отношении Даммита к логическим позитивистам; отмечу лишь, что хотя он отрицает наличие точного значения у метафизических предложений, но, в отличие от логических позитивистов, не лишает их когнитивного значения, предлагая трактовать их как скрытые семантические утверждения.

Однако модель значения, лежащую в основе метафизической концепции, можно правильно оценить, по мнению Даммита, только построив всеохватывающую и систематическую теорию значения. По его замыслу, эта теория должна содержать принципы, в которых явным образом формулируется имеющееся у нас имплицитное и обнаруживающееся в нашем поведении знание языка. Даммит признает, что построение такой теории значения видится задачей чрезвычайной сложности, которую еще только предстоит выполнить. Но, будучи выполненной, она позволит разрешить метафизические споры между реалистами и антиреалистами. "Мой тезис состоит в том, что все метафизические воп-

⁷ Dummett M. Truth and Other Enigmas. London, 1978. P. XXV.

⁸ Другим свидетельством может служить использование им понятия верификации при построении теории значения. См., например: Loux M.J. Op. cit. P. 633-664.

росы оказываются вопросами о правильной теории значения для нашего языка. Мы не должны пытаться вначале разрешить метафизические вопросы, а затем строить теорию значения в свете полученных ответов. Нам следует исследовать, как наш язык действительно функционирует и как мы можем построить реальное систематическое описание его функционирования; ответы на эти вопросы затем определяют ответы на метафизические вопросы⁹. Более того, “этим мы разрешим перечисленные споры без остатка: не останется никакого дополнительного подлинно метафизического вопроса для разрешения”¹⁰.

Интересно отметить, что в этот же период со столь же грандиозной программой создания теории значения для естественных языков выступил американский аналитический философ Дональд Дэвидсон. В его представлении эта теория должна быть формальной и должна опираться на экстенциональную первоурядковую логику. Дэвидсон исходит из идеи Г. Фреге о том, что понимать предложение значит знать его условия истинности, т.е. знать, что должно иметь место в мире, чтобы это предложение было истинным. Дэвидсон, предлагая строить теорию значения по образцу семантической теории истины, разработанной А. Тарским для формализованных языков, представляет реализацию своего замысла в виде теории, содержащей конечный набор аксиом, из которого для любого предложения естественного языка выводилась бы теорема, задающая условия его истинности, а, стало быть, определяющая его значение. Теория значения, построенная на понятии условий истинности, получила название истинностно-условной семантики, и именно этой теории Даммит отвел роль семантической основы разнообразных форм реализма, поскольку, как мы видели, в истолковании Даммита реализм есть теория о том, что предложение получает значение благодаря своей корреляции с определенным положением дел в мире, а именно с тем положением дел, которое имеет место в случае, если это предложение является истинным. Истинностно-условная семантика, по мнению Даммита, исчерпывающим образом выражает содержание реализма, и этот вывод лег в основу его концепции “семантического реализма”.

В своем изложении концепции Даммита мы достигли пункта, где его первоначальный план исследования реализма претерпевает серьезное изменение. Если вначале он ставил перед собой задачу дать нейтральную характеристику двух философских под-

⁹ Dummett M. The Logical Basis of Metaphysics. P. 338.

¹⁰ Ibid. P. 14–15.

ходов, то затем его отношение к ним стало более пристрастным. Теперь Даммит стремится выявить слабые стороны “общепринятой позиции”, т.е. реалистического решения проблемы значения, и сформулировать альтернативную теорию значения, которая бы подошла антиреалисту.

Даммит дает развернутую и обстоятельную критику теории значения, опирающейся на понятие условий истинности. Я ограничусь рассмотрением лишь общей идеи этой критики и одного важного следствия, которое она имеет для нашей темы. Главное, с чем не согласен Даммит, это положение о том, что понимать предложение значит знать условия его истинности, поскольку, по его мнению, оно ведет к совершенно неудовлетворительной картине функционирования языка в таких его аспектах, как обучение языку и проявление понимания языка в поведении. Стремясь объяснить эти аспекты, сторонник истинностно-условной семантики не может согласовать свое объяснение с такими идеями позднего Витгенштейна о языке, как а) значение есть употребление, б) не существует личного языка, в) язык – это социальное явление и его главная функция – коммуникативная, г) понимание языка есть практическое умение, проявляемое в поведении. Кроме того, истинностно-условная семантика постулирует такие эпистемические условия для понимания предложений, что бессмысленно ожидать их выполнения в случае предложений, которые Даммит называет “неразрешимыми”, а между тем мы прекрасно понимаем эти предложения, и свидетельством этого может послужить хотя бы то, что мы признаем их неразрешимыми. В конечном счете, сторонник истинностно-условной семантики вынужден признать, что понимание этих предложений состоит в знании “трансцендентных” условий истинности, и тем самым приписать человеку обладание истиной, которая выходит за пределы нашего знания о мире и которую могло бы иметь только существо со сверхчеловеческими способностями. Отсюда Даммит делает следующий вывод: принцип двузначности не выполняется для неразрешимых предложений, а стало быть, семантический реализм, содержание которого, по сути, сводится к тезису о том, что понимание неразрешимых предложений состоит в нашем знании их “трансцендентных” условий истинности, является ложной концепцией¹¹.

¹¹ В случае разрешимых предложений различие между семантическим реализмом и антиреализмом практически стирается, так как мы можем знать условия истинности этих предложений, ибо они совпадают с условиями, оправдывающими наше утверждение этих предложений.

Неудовлетворительность семантического реализма подтолкнула Даммита к поискам альтернативной теории значения. Учитывая данную Даммитом характеристику реализма и антиреализма, нетрудно догадаться, какой в общих чертах должна быть эта альтернативная теория. Во-первых, Даммит предлагает иную трактовку лингвистического понимания. В формулируемом им определении понимать предложение значит знать, как его правильно употреблять, а это значит быть способным распознавать, когда утверждение этого предложения было бы правильным. Даммит суммирует эту идею в своем предложении заменить понятие условий истинности понятием условий утверждаемости. Знать значение предложения значит знать (в смысле "быть способным распознать") условия, при которых у говорящего есть оправдание для утверждения этого предложения. Подобные условия утверждаемости позволяют осуществлять верификацию предложения. Соответственно, Даммит часто называет эту альтернативную теорию значения верификационистской семантикой.

По мнению Даммита, вместе с проблематичной истинностно-условной теорией значения нам следует отбросить и связанную с ней теорию истины, поскольку именно эпистемически неограниченное понятие истины создает трудности для этой теории. Истина, заключает Даммит, должно быть свойством, наличие которого у предложения мы в принципе могли бы определить. Поскольку наличие оправдания для утверждения является именно таким свойством, Даммит заключает, что истина есть нечто подобное оправданной утверждаемости.

Таким образом, реалист (сторонник истинностно-условной семантики и эпистемически неограниченного понятия истины) принимает принцип двужначности для неразрешимых предложений, а антиреалист (сторонник верификационистской семантики и эпистемически ограниченного понятия истины) отрицает наличие истинностного значения у неразрешимых предложений, отвергая тем самым принцип двужначности. Однако принцип двужначности — не единственный принцип классической логики, который отвергает антиреалист. По мнению Даммита, отказ от закона исключенного третьего также неявно предполагается в теории значения антиреалиста, построенной на понятии условий утверждаемости. Это связано с тем, что замена классического понятия истины понятием утверждаемости потребует переопределения логических связок (таких как конъюнкция, дизъюнкция и т.п.). Сложные предложения, образованные из простых с помощью этих связок, имеют условия утверждаемости, которые явля-

ются функцией от условий утверждаемости предложений, из которых они состоят. Именно такое истолкование логические связи получают в интуиционистских математических теориях, в которых понятие истины заменяется понятием доказуемости, а доказуемость, с точки зрения Даммита, является разновидностью оправданной утверждаемости, применяемой к предложениям математики. Разрешение метафизических споров между реалистами и антиреалистами будет состоять в конечном счете в выборе между классической логикой и той или иной неклассической логикой (интуиционистской, квантовой или любой другой, которая будет изобретена).

Практически каждый шаг в сложном обосновании Даммитом своей позиции вызвал возражения. Из многообразия этих возражений я отмечу лишь те, которые имеют непосредственное отношение к трактовке реализма. Так, многие философы поставили под сомнение идею Даммита о том, что ядро реализма составляет принятие принципа двузначности в отношении неразрешимых предложений. Некоторые авторы указывали на то, что принятие этого принципа не может считаться необходимым условием для реализма, поскольку отказ от этого принципа еще не означает отказа от реализма. Например, можно вслед за Фреге и Стросоном отрицать наличие истинностного значения у предложений, содержащих пустые сингулярные термины, не становясь при этом антиреалистом. Или можно отрицать наличие истинностного значения у предложений с неопределенным смыслом, что в целом не препятствует реалистической трактовке этих предложений. Однако такого рода возражения, как признают сами критики, не столько касаются существа даммитовской трактовки реализма, сколько требуют уточнения некоторых формулировок. Более серьезны возражения против той роли, которую Даммит отводит неразрешимым предложениям в спорах между реалистами и антиреалистами. Как отмечал Криспин Райт, из этого вытекает, что невозможно быть подлинным реалистом в отношении тех совокупностей предложений, которые не включают неразрешимых предложений. Так, невозможен реализм в отношении эффективно разрешимых предложений математики, предложений этики или, говоря в общем, в отношении любой "области состояний дел, над которыми человеческие когнитивные способности проявляют свое полномочие"¹². Но именно в этих областях, считает Райт, реализм кажется наименее проблематичным.

¹² Wright C. *Realism, Meaning and Truth*. Oxford: Basil Blackwell, 1987. P. 3.

Другие критики обращают внимание на то, что если семантический реализм верен и точное содержание любой реалистической метафизической позиции выражается им исчерпывающим образом, то споры между реалистами и их противниками должны принимать форму разногласия между теми, кто принимает семантический реализм, и теми, кто его отрицает. Действительные споры, имевшие место между реалистами и их противниками в разных областях, далеко не всегда соответствуют этому образцу. Довольно часто противники реализма просто отрицают наличие истинностного значения у предложений рассматриваемого класса, как, например, в конфронтации этических реалистов с антиреалистами. Одни этические антиреалисты – сторонники так называемой теории ошибок – признают применимость реалистических истинностных значений к предложениям этики, но поскольку, по их мнению, не существует этических фактов, благодаря которым эти предложения были бы истинными, они настаивают на том, что все предложения этики являются ложными. Другие этические антиреалисты – эмотивисты, экспрессивисты и др., – напротив, просто отрицают, что предложения этики выражают суждения, а потому понятие истинностных значений к ним неприменимо.

Даммит признает, что его характеристика споров между реалистами и антиреалистами не позволяет объяснить случай этики, но настаивает на том, что в других случаях она вполне адекватна. Однако с этим не согласны такие критики, как М. Девитт, В. Хейл, М. Миллер и др. Девитт, например, отмечает серьезное расхождение между семантическим реализмом и реализмом здравого смысла, утверждающим объективное и независимое существование внешних физических объектов, поскольку, с его точки зрения, семантический реализм совместим с идеалистической метафизикой внешнего мира. “Реализм... требует объективного независимого существования физических сущностей здравого смысла. Семантический реализм касается физических высказываний и не содержит такого требования: он ничего не говорит о природе реальности, которая делает эти высказывания истинными или ложными... Идеалист, который верит в... существование чисто ментальной сферы чувственных данных, мог бы подписаться под [семантическим реализмом]. Он мог бы считать, что физические высказывания являются истинными или ложными согласно тому, соответствуют они сфере чувственных данных или не соответствуют, независимо от чьего-либо мнения по этому вопросу”¹³. Например, вполне можно признать, что семанти-

¹³ *Devitt M. Dummett's Anti-Realism // J. of Philosophy. 1983. Vol. 80. P. 77.*

ческий реализм совместим с идеализмом Беркли, согласно которому, например, столы, стулья суть не что иное, как идеи в умах духов, ибо Беркли согласился бы с тем, что некоторые предложения о внешнем мире имеют трансцендентные, в понимании Даммита, условия истинности, поскольку истина об обычных объектах определяется восприятиями в уме Бога, а то, что находится в уме Бога, не зависит от нашей способности верифицировать. Так, Беркли пишет, "что существует большое разнообразие духов различных порядков и дарований, способности которых и по числу, и по размеру далеко превосходят те, которыми творец моего бытия наделил меня, — этого я не вижу оснований отрицать. И притязать с моей стороны определять по моей собственной, малой, ограниченной и тесной области восприятий, какие идеи неисчерпаемая сила верховного духа может запечатлеть в этих духах, было бы, конечно, величайшим безумием и дерзостью, ибо может существовать, насколько я в состоянии судить об этом, бесчисленное множество родов или ощущений, столь же отличных один от другого и от всего воспринимаемого мной, как цвета отличаются от звуков"¹⁴. Отсюда Девитт делает вывод, что точное содержание реализма относительно внешних объектов не может передаваться концепцией, которая совместима с берклианским идеализмом, а поскольку семантический реализм совместим с берклианским идеализмом, он не может выражать точное содержание реализма.

Перечень возражений против семантического реализма можно было бы продолжить, но, на мой взгляд, сказанного вполне достаточно, чтобы признать неудовлетворительность этой концепции. Но это еще не означает, что неверна и та общая идея о характере метафизических исследований, которую Даммит попытался воплотить в своей концепции семантического реализма. В самом начале своей книги "Логическая основа метафизики" он пишет: "Хотя мы больше не считаем традиционные вопросы философии псевдовопросами, на которые нельзя дать никакого осмысленного ответа, мы не возвратились и к тому убеждению, что априорное рассуждение может снабдить нас сущностным знанием о фундаментальных характеристиках мира"¹⁵. Философия не может дать нам чего-то большего, чем ясное представление о понятиях, в которых мы мыслим о реальности, представление о том, каким образом мы репрезентируем мир в нашем мышлении.

¹⁴ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Соч. М., 1978. С. 208.

¹⁵ Dummett M. The Logical Basis of Metaphysics. P. 1.

Именно по этой причине и в этом смысле, считает Даммит, философия говорит о мире. Оптик не может сказать нам, что мы увидим, когда оглянемся вокруг, ибо он снабжает нас очками, которые позволяют видеть всё в более четком фокусе. У философа такая же миссия в отношении нашего мышления о реальности. Это означает, что отправной точкой для философии должен быть анализ фундаментальной структуры наших мыслей. Стало быть, философия мышления лежит в основании всего остального философского знания. Вместе с тем ключевым постулатом аналитической философии выступает идея о том, что исследовать мышление можно только посредством анализа языка, ибо нельзя объяснить, что есть мысль, не исследовав средства ее выражения. Поэтому, заключает Даммит, философия языка образует фундамент метафизики.

Подход Даммита, как я уже отмечала в самом начале, отражает определенную тенденцию в современной философии, которая имеет своим источником идеи Канта. Правда, в аналитической философии на формирование этой тенденции философия Канта оказала очень опосредованное влияние. Более прямое воздействие связано с другими факторами. Во-первых, в определенной степени эта тенденция есть результат перенесения в область более общего философского рассмотрения некоторых идей, концепций и подходов, которые были сформулированы в рамках логической семантики. Обсуждение логиками проблем интерпретации формальных языков, сопоставление различных видов интерпретации (объектной, подстановочной и т.п.), способов построения моделей неизбежно вело к вопросу о соотношении логики и онтологии. Было осознано, что некоторые особенности формально-логических языков требуют принятия онтологических допущений – допущений о существовании определенных объектов. Были сформулированы логические критерии существования (наиболее известен куайновский: “Существовать значит быть значением квантифицированной переменной”). Однако не следует забывать, что логический критерий существования указывает не на то, что существует независимо от использования языка, а на то, что мыслится существующим при использовании того или иного языка как средства познания и коммуникации. Что существует объективно, не зависит от использования языка, но то, что утверждается в качестве существующего, – зависит”¹⁶. Отсюда со всей очевидностью следует, что в логике понятие “онтология”

¹⁶ Ледников Е.Е. Критический анализ номиналистических и платонистических тенденций в современной логике. Киев: Наукова думка, 1973. С. 38.

(некоторая предметная область, модель, "проецируемая" языком) не совпадает с понятием "объективная реальность". Именно в таком значении понятие "онтология" используется и многими аналитическими философами, и, более того, оно объявляется ими единственно возможным, поскольку мы не имеем доступа к реальности, и не можем постичь мир, как он есть сам по себе, "встав на точку зрения Бога".

Во-вторых, на формирование указанной тенденции повлиял состоявшийся в аналитической философии "лингвистический поворот", означавший перенесение рассмотрения философских вопросов в плоскость анализа языка. При таком лингвистическом подходе существующим оказывается то, что соответствует "обозначающим" выражениям нашего языка, и, стало быть, вопрос, что существует, получает следующую переинтерпретацию: о чем правомерно говорить как о существующем? Вместе с тем признание определенных сущностей существующими достигается посредством тщательного анализа предложений, которые мы понимаем и о которых знаем, что они должны быть истинными. Не случайно поэтому особое значение приобретает объяснение того, как мы понимаем язык, как мы усваиваем значение языковых выражений. Соответственно, реальными считаются все те вещи, которые предполагаются существующими в теории понимания и значения.

Отмеченная нами тенденция преобладает в аналитической философии, однако справедливости ради следует отметить, что есть и немало философов, открыто заявляющих о своей приверженности "метафизическому реализму". К ним относятся Дж. Сمارт, Д. Армстронг, М. Девитт и др. Как, например, отмечает М. Девитт, "предполагать, что мы можем вывести правильную метафизику из эпистемологии или семантики, значит ставить телегу впереди лошади"¹⁷.

В завершение своего рассмотрения концепции реализма Даммита, отмечу, что, на мой взгляд, он прав в том, что реализм связан с признанием определенной объективности наших суждений о разных сферах реальности. Как правило, эта объективность истолковывается в том смысле, что истинностное значение наших суждений в какой-то мере не зависит от "нашего знания, наших эпистемических ценностей, нашей способности на нее указывать, синтезирующей силы нашего разума, нашего использования понятий, теорий или языков"¹⁸. Признание объек-

¹⁷ Devitt M. Aberrations of the Realism Debate // Philosophical Studies. 1991. Vol. 61. P. 56-57.

¹⁸ Devitt M. Realism and Truth. 2nd edition. Princeton, 1991. P. 15.

тивной истинности суждений может выражаться в принятии принципа двузначности, но это вовсе необязательно и недостаточно для реализма. На мой взгляд, более важно, что реализм предполагает определенное истолкование источника этой объективности. Реалисты усматривают источник этой объективности в существовании независимой от нас и нашего сознания реальности, которая делает эти суждения истинными или ложными. Эта реальность является “ноуменальной”, так как любая попытка ее описать даст лишь очередную “онтологию”, проецируемую концептуальной схемой используемого для описания языка. Но можно ли вынести “ноуменальный мир” за “скобки” философских построений и при этом остаться реалистом? Думаю, ответ на этот вопрос отрицательный. Поэтому, на мой взгляд, граница между реализмом и антиреализмом проходит не в философии языка, не в принятии определенной теории значения, как предполагает Даммит, а в метафилософии, в понимании природы философского знания.

МАРТИН МАЛИА ПРОТИВ АЛЕКСАНДРА ГЕРЦЕНА И “РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА”

А.В. Павлов

“Современную Россию нельзя понять без социализма и марксизма”, – всегда считал известный американский профессор русской истории Мартин Малиа¹. Это парадоксальное выражение, разумеется, не абсолютная истина, однако оно по крайней мере вполне правдиво. Этому ученому вообще была свойственна парадоксальность мышления. Например, хорошо известен его афоризм: “Социализма не существует, но Советский Союз его построил”². Это лишь немногие из его блестящих, очень верных высказываний.

Малиа не стало в конце 2004 г., но его исследования в области русской истории (одного из разделов дисциплины, которая по-

¹ *Malia M. Russia under western eyes: from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. London, 2002. P. 112.*

² С этого афоризма начинается свою статью памяти Малиа Денис Драгунский, знавший его лично. Он же отметил парадоксальность мышления Малиа (См.: *Драгунский Д.В. Гуру-аутсайдер: памяти Мартина Малиа // Космополис. 2005. № 11. С. 40.*